



- Polit. Science Rev. 1972. Vol. 66; *Joll J.* The Anarchists. L., 1964; *Philip M. Godwin's* political Justice. Ithaca, 1986; *Rodway A.E.* Godwin and the Age of Transition. L., 1952; *Адлер Г.* Анархизм. СПб., 1906; *Бер М.* История социализма в Англии. М., 1923. Т. 1; Просветительское движение в Англии. М., 1991; *Чудинов А.В.* Размышления англичан о французской революции. М., 1996.
- ⁶ Например: *Block A.* The English Novel 1740–1850. L., 1939; *Kelly G.* The English Jacobin Novel. 1780–1805. L., 1976; *Соловьева Н.А.* У истоков английского романтизма. М., 1988; *Урнов Д.* Вильям Годвин – основоположник «социального романа» // Из истории западно-европейских литератур XVIII–XX вв. М., 1957.
- ⁷ Исторические исследования У. Годвина рассматриваются в основном «попутно»: в контексте его жизни и в ряду с работами современных ему историков. См.: *Richardson R.C.* Debate on the English revolution. L., 1977. С. 53–54.
- ⁸ См.: *Paul K.* William Godwin, His Friends and Contemporaries. L., 1876; *St. Clair W.* The Godwins and the Shelleys. The Biography of a Family. L., 1989.
- ⁹ *Кареев Н.И.* Указ. соч. С. 331.
- ¹⁰ *Godwin W.* En Enquiry Concerning Political Justice and its influence on General Virtue and Happiness. L., 1793.
- ¹¹ Именно идеи, разработанные в «Политической справедливости», дали основание со временем связать имя Годвина с анархизмом, более того рассматривать его в качестве основателя теории анархизма.
- ¹² Русский перевод: *Годвин В.* Калекб Вильямс М.; Л., 1949.
- ¹³ См.: *Godwin W.* History of the Commonwealth of England from its commencement to the restoration of Charles II. L., 1824–1828. 4 vols.
- ¹⁴ *Godwin W.* History of the Commonwealth of England. L., 1824, P. V. Vol. 1.
- ¹⁵ Ibid. P. VI.
- ¹⁶ Ibid. P. X.
- ¹⁷ Ibid. Vol. 3. P. 17.
- ¹⁸ Ibid. P. 17.
- ¹⁹ Понятие «правление» означало для Годвина систему политических учреждений, установлений и государственных устройств. См.: Просветительское движение в Англии. С. 397.
- ²⁰ *Godwin W.* History of the Commonwealth. Vol. 3. P. 17.
- ²¹ *Godwin W.* Op. cit. Vol. 1. P. 358, 359, 72, IX.
- ²² Ibid. P. IX.
- ²³ Ibid. P. 41–42.
- ²⁴ Ibid. P. 138.
- ²⁵ Ibid. Vol. 3. P. 2.
- ²⁶ Ibid. P. 1–2.
- ²⁷ Ibid. Vol. 2. P. 689.
- ²⁸ Ibid. P. 692.
- ²⁹ Ibid. Vol 4. P. 598.
- ³⁰ Ibid. P. 597.

УДК 370.5 (470.44)

«РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ» ГАРВАРДА: ОТ ТРИУМФА К ПОЗОРУ

С.Ю. Шенин

Саратовский государственный университет,
кафедра истории нового, новейшего времени и международных отношений
E-mail: sheninsy@sgu.ru

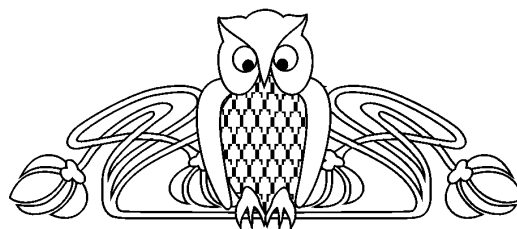
Данная статья посвящена изучению роли и места Гарвардского института международного развития в российских реформах 90-х гг. XX в., а также особенностям функционирования института в рамках гарвардского университета. Исследуется также характер влияния конкретных личностей из состава руководства института на развитие программ американской помощи России, а также обстоятельства прекращения функционирования института.

Ключевые слова: Гарвардский институт международного развития, Россия, шокотерапия, экономическая мощь, реформы.

The Harvard's «Russian Project»: from Triumph to Disgrace

S.Yu. Shenin

The article is devoted to the study of the role and place of Harvard Institute for International Development in the Russian reforms during 1990s and peculiarities of the Institute's functioning within Harvard University. Besides, the influence of the institute leading persons on the development of the American aid program to Russia and the circumstances of the institute's liquidation are also studied.



Key words: Harvard Institute for International Development, Russia, shockotherapy, economic assistance, reforms.

Конечно же, говоря о Гарварде, мы имеем в виду не весь всемирно известный университет, а только одно из его подразделений – Гарвардский институт международного развития (НИД). Тем не менее, можно сказать, что деятельность последнего на территории России если и не симптоматична, то достаточно показательна: западные институты, даже самые известные и высокопрофессиональные, не очень обременяли себя переживаниями о том, как они выглядят в глазах «туземцев» и каковы могут быть последствия их поведения для самих «колониальных» стран (каковой им представлялась Россия в начале 1990-х гг.).

Гарвард – старейший, крупнейший и авторитетнейший университет мира. Программы международного развития давно стали одними из его самых заметных «фирменных знаков».



Уже в начале 1960-х гг. в университете сформировалась группа специалистов, которые занимались консультированием иностранных правительств по проблемам развития. В 1974 г. на базе этой группы и был создан НИИД как междисциплинарный центр для координации усилий и ресурсов университета в сфере помощи переходным процессам от государственного управления к рыночным отношениям через научные исследования и подготовку кадров. Институт работал над проектами развития и переходных процессов в странах Азии, Африки, Латинской Америки, Центральной и Восточной Европы. Одной из наиболее успешных была программа помощи правительству Индонезии в реформировании ее налоговой системы и либерализации финансового рынка. В том же направлении институт работал в Колумбии, Кении, Пакистане и Зимбабве (кстати, в странах, где к настоящему моменту сложились очень сложные социально-экономические условия).

С начала 1990-х гг. наступила очередь России. Как известно, в октябре 1992 г., т.е. за несколько недель до своего поражения на выборах, Дж. Буш-ст. провел через конгресс «Закон о поддержке СВОБОДЫ», который уполномочивал правительство США начать программу помощи либерально-демократическим реформам в России. Для этого были выделены 350 млн долл., которыми должно было распоряжаться правительственное Агентство международного развития (US Agency for International Development – USAID).

Агентство, чтобы реализовать поставленные законом цели, заключало контракты с американскими неправительственными организациями (НПО) на выполнение в России определенных задач, связанных с осуществлением либерально-демократических реформ. Все НПО, прежде чем получить контракт, проходили через сито конкурсного отбора. Правда, было одно единственное исключение: Гарвардский институт международного развития получил свои контракты безо всякого конкурса.

Причиной такого исключительного отношения правительства США к одному из НПО были не только высочайший авторитет института и уникальная квалификация его сотрудников, но и уже налаженные к концу 1992 г. связи ученых НИИД с российской политической элитой. Ни у агентства, ни у других НПО таких связей не было.

Первым, кто наладил тесные отношения с российским правительством, был известный «маг шокотерапии» (имевший за плечами несколько «экономических чудес», прежде всего в Польше), гарвардский профессор экономики Джеффри Сакс. В августе 1991 г. он вместе со своим учеником Дэвидом Липтоном, а также Андерсом Аслундом прибыл в СССР для того, чтобы подготовить здесь основу для либеральных реформ. Из нескольких существовавших в России групп экономистов Сакс выбрал «команду»

Гайдара – Чубайса – Шохина, а затем, когда те возглавили правительство, он и А. Аслунд стали его консультантами¹.

Надо сказать, что Дж. Сакс был не единственным представителем Гарварда в России в 1991 г. Г. Элисон, руководитель гарвардской Школы управления им. Кеннеди, а также известный советолог М. Голдман из гарвардского Центра им. Дэвиса работали в этот момент в Москве и консультировали различные группы российских и советских политиков и экономистов, но Дж. Сакс, который к тому же представлял НИИД, был самым известным из них из-за своего польского опыта.

Находясь в Москве, Сакс встретил другого профессора экономики из Гарварда – совсем юного Андрея Шлейфера, который был послан с миссией от Мирового банка, а именно его главным экономистом Лоренсом Саммерсом. Последний, как ни удивительно, был не только профессором экономики Гарвардского университета, но и конкурентом Сакса в рамках факультета экономики. Эта конкуренция иногда переходила в открытую вражду. Шлейфер был учеником Саммерса, но со временем их отношения переросли в дружбу.

А. Шлейфер имел колоссальное преимущество перед другими специалистами по России, которые собирались в тот момент в Москве. Он родился в СССР и в совсем юном возрасте, в 1976 г., эмигрировал с родителями в США. Там он поступил в Гарвард и, будучи подающим большие надежды, был замечен своим преподавателем, Л. Саммерсом, который стал его активно опекать.

Вражда Сакса с Саммерсом автоматически переносилась и на их учеников. Тем не менее, Сакс встретив в Москве Шлейфера осенью 1991 г., познакомил его с членами правительства «младореформаторов». После чего было решено, что Шлейфер будет работать консультантом в команде Чубайса–Васильева, которая занималась приватизацией, в то время как Сакс консультировал Гайдара по вопросам макроэкономики.

Работа, как известно, шла очень активно. В 1991–1992 гг. десятки тысяч мелких и средних предприятий были приватизированы. Огромную роль в этом «успехе» сыграл Шлейфер и это позволило ему стать своим человеком среди российских «младореформаторов»².

Все эти обстоятельства и были важны для USAID, которое, естественно, пыталось найти для своих проектов самых квалифицированных специалистов, к тому же знакомых с ситуацией на месте, в России. Зная, что с Правительством РФ продолжают работать гарвардские профессора Дж. Сакс и А. Шлейфер, агентство выбрало в качестве главного контрактора именно Гарвардский университет и НИИД, который как структурное подразделение университета идеально подходил для такой работы.

Поскольку Сакс оставался советником российского президента, то во главе российского



проекта НИД был поставлен А. Шлейфер. Он, правда, не хотел бросать профессорство на факультете экономики и решил совмещать эти две должности. Оставаясь преимущественно в Кембридже, он посчитал возможным выбрать для управления проектом в Москве своего бывшего студента, тридцатилетнего профессора Джонатана Хэй. Хорошо говоривший по-русски Хэй был прекрасным теоретиком, но абсолютно не имел опыта практической работы. Тем не менее, очень скоро он сумел доказать, что может быстро заполнить и этот пробел.

Уже через несколько дней после принятия в октябре 1992 г. «Закона о поддержке СВОБОДЫ», НИД подал заявку на предоставление технической помощи России в сфере организации программы приватизации. Как уже было сказано, USAID заключило с институтом соглашение на финансирование программы без участия в конкурсе, что было очень необычно, но в общем не противоречило законам и внутренним правилам агентства.

Первый грант, который получил НИД от агентства для разработки программы приватизации в России, составил 2,1 млн долл. Затем соглашение продлевалось девять раз и пять раз увеличивалась сумма гранта. К середине 1994 г. представители американского правительства полагали, что программа приватизации стала самой успешной частью всей программы американской помощи России. В тридцати крупнейших городах России были созданы приватизационные центры, в результате деятельности которых 70% госсобственности (14 тыс. крупных и 60 тыс. мелких предприятий) были переданы в частные руки. При этом 40 млн российских граждан стали акционерами частных компаний и фондов. Около 60% всей рабочей силы оказались заняты к указанному моменту в частном секторе³.

Кроме того, институт расширил границы своей деятельности и получил гранты на программы разработки судебной реформы, экономического законодательства и рынка ценных бумаг. В целом под свой «гарвардский проект» НИД получил до конца 1996 г. значительную часть денег от USAID по внеконкурсным контрактам⁴ в размере 40,4 млн долл. и ожидал новую порцию в размере 17,7 млн долл. для обеспечения после 1996 г. «постприватизационной активности». Более того, институт получил от агентства функции контроля за значительной частью всей российской программы помощи – он стал координировать деятельность многих консалтинговых и аудиторских фирм, других крупных подрядчиков USAID, таких, как Arthur Andersen, Deloitte & Touche, Price Waterhouse, KPMG и т.д. Через эту сеть НИД контролировал гигантский поток помощи общей суммой в 350 млн долл.

Таким образом, основным «генератором» реформ в России с 1992 г. стала не миссия USAID в Москве, а группа советников из НИД, реализовавших свой «гарвардский проект». Решительно

настроенные гарвардские советники, полагая, что очень хорошо знают особенности процесса принятия решений в Москве, сделали ставку на максимально быстрый «авторитарный» метод легитимизации своих программ.

Если идти нормальным демократическим путем, то их программы должны были быть законодательно оформлены в прокоммунистической Думе, что было очень сложно сделать, хотя и возможно. Однако, пользуясь отсутствием устоявшихся процедур, советники полагали, что намного легче «протащить» их президентскими указами в обход Думы, не считаясь с тем, что при этом снижалась легитимность и устойчивость создаваемых институтов, а большинство в Думе неизбежно превращалось, мягко говоря, в недоброжелателей.

Чтобы реализовать такую методику, необходимо было опираться на каких-то людей, близких к Ельцину. Советники из НИД сделали ставку на «питерскую клику» А. Чубайса, которая, кроме доступа ее лидера к президенту, идеально подходила по идеологическим и другим критериям на роль посредника. Советники утверждали, что только члены группы являлись «настоящими реформаторами» (соответственно все остальные превращались в «ненастоящих») и на этом основании доверили им управлять большей частью помощи из USAID и финансовыми потоками из Всемирного банка и ЕБРР, значительно усилив таким образом ее политические позиции и влияние на Ельцина.

Обоснованием такого *modus operandi* была идея администратора USAID Б. Этвуда (а ранее об этом настойчиво говорил Дж. Сакс), что «размазывать» помощь тонким слоем по гигантской России бессмысленно – все равно не хватит. Поэтому ее надо концентрированно направлять только на поддержку группы «настоящих реформаторов» и важнейших реформ (концепция «пожарного шланга»). Сами реформаторы и гарвардские советники считали, что «помощь помогает реформе не потому, что напрямую помогает экономике – она просто слишком мала для этого, а потому, что она помогает реформаторам в их политической борьбе»⁵.

Главным следствием использования таких методов проведения реформ, по мнению критиков гарвардского подхода, являлась их слабая легитимность, слабость созданных в результате институтов (например, собственности) и соответственно невозможность обеспечить долгосрочную экономическую и социально-политическую стабильность. Все, что построено на личных связях (как в данном случае), рушится, как только эти личности или связи исчезают. По-настоящему демократические институты должны строиться на процедурах, на законе, который требует широкого общественного или, по крайней мере, внутриэлитного консенсуса.

Сформированная же в России под руковод-



ством НИИД «вертикаль реформ» только создала почву для злоупотреблений и безответственности, для получения помощи и проведения реформ в интересах очень небольшой элитной группы. Все это неизбежно вело к дискредитации помощи и развитию антизападных, антиамериканских и антиреформистских настроений в других группах и в широких массах в целом. По опросам, проведенным в России весной 1995 г., 2/3 россиян полагали, что США проводят сознательную анти-российскую внешнюю политику⁶.

На фоне такой серьезной критики деятельности группы Шлейфера и Хэя в ректорат Гарвардского университета уже с декабря 1993 г. стали поступать сигналы из Москвы о том, что руководство проекта замечено в таких нарушениях местных и американских законов, как неуплата налогов, искажение отчетности, нарушение контрактных отношений с сотрудниками, нецелевые затраты и т.д. «Я не понимаю, почему Гарвард должен брать на себя огромную ответственность за сокрытие неуплаты налогов», – писал один из сотрудников офиса НИИД в Москве заместителю президента Гарвардского университета⁷.

Более того, с июля 1994 г. Шлейфер и его жена Нэнси Циммерман (талантливая финансистка, со-владелица и менеджер одной из инвестиционных фирм в Сан-Франциско) стали заниматься инвестированием в российские компании, которые были приватизированы при участии Шлейфера и которые получали техническую помощь USAID. Такое инвестирование было категорически запрещено правилами и агентства, и Гарварда. В дальнейшем парочка наращивала свою инвестиционную активность, покупая на сотни тысяч долларов акции нефтегазового сектора и используя инсайдерскую информацию из российского правительства. Затем они втянули в эту активность Дж. Хэя и его знакомую Юлию Загашину, которая работала в структурах, контролируемых НИИД⁸.

С 1996 г. Шлейфер и Циммерман пошли дальше в своих злоупотреблениях, создали собственную инвестиционную фирму («Новый мир»), заняли 5 млн долл. в американском банке и стали покупать знаменитые российские государственные краткосрочные облигации (ГКО), обходя при этом российские налоговые законы. Руководство НИИД (а с 1994 г. во главе института встал Дж. Сакс, уволившийся с поста советника российского президента) ничего не знало об инвестициях подчиненных и вообще очень мало внимания обращало на то, что делалось в Москве, отдав влияние там на откуп Л. Саммерсу, который занимал пост заместителя министра финансов в администрации Б. Клинтона.

Не исключено, что эти злоупотребления могли остаться незамеченными, но к несчастью для Шлейфера и Хэя они имели место на фоне нескольких очень серьезных конфликтов как внутри российского правительства, так и внутри американской администрации. Естественно,

что в ситуации жестокого противостояния противники, как правило, не позволяют друг другу такие вольности, как нарушение контрактных обязательств.

Первый конфликт имел место внутри российского правительства и заключался в борьбе Центробанка с комиссией по формированию финансового рынка «младореформатора» Д. Васильева за то, какие полномочия будут у ЦБ и по какой модели будет развиваться российская финансовая система.

Вторым более серьезным конфликтом стало нараставшее внутри американской администрации противоборство двух точек зрения на стратегию реформ и помощи России: «глобализация снаружи» или вращение в «глобализующийся мир» за счет внутреннего развития. По сути, это было продолжением старого спора между сторонниками неоклассических подходов, которые олицетворяло американское казначейство, сам Л. Саммерс и Гарвардская школа в целом, и защитниками кейнсианской методологии развития из госдепартамента и USAID.

Близкие личные отношения между руководителем российской миссии А. Шлейфером и министром финансов Л. Саммерсом означали, что гарвардская группа в основном реализовывала те планы, которые разрабатывались в американском казначействе. В то же время миссия USAID в Москве, с ее огромным штатом в 300 человек, была очень обидно и незаслуженно отодвинута на второй план. Более того, в начале 1997 г. после успешных перевыборов Б. Клинтона и Б. Ельцина начался новый этап помощи постсоветским республикам, который предполагал, что еще большие деньги должны были потечь из Вашингтона в Россию. Конечно же, исключительное положение НИИД в Москве обеспечивало ему и экономическим схемам Саммерса особые преимущества и доступ к этим потокам. Чтобы предотвратить подобное развитие событий, госдепартамент и USAID, имевшие, как отмечалось, свое собственное видение новой программы помощи, сразу после выборов начали настоящую войну против НИИД.

Повод для подрыва позиций НИИД (который являлся и главной опорой для неоклассической модели развития, и основным распределителем денежных потоков) искался давно. Еще в начале 1996 г. USAID обратило внимание на несвоевременную и неполную отчетность московской миссии института. Эта информация была доведена до комитета по международным отношениям конгресса, который тогда же, в марте 1996 г., уполномочил GAO (General Accounting Office – аналог российской Счетной палаты) начать проверку «гарвардской программы».

Такой поворот событий серьезно перепугал А. Шлейфера. Чтобы не допустить разоблачения его коммерческой деятельности, он обратился к услугам известного адвоката Майкла Батлера, который ранее успешно работал с GAO. В резуль-



тате тот смог переключить внимание слишком любопытных ревизоров с мелких финансовых злоупотреблений на тактико-стратегические проблемы, и для московской миссии Шлейфера все кончилось хорошо⁹.

Так, в очень мягкой форме отчет GAO констатировал, что НИИД контролировал неоправданно большую часть всей программы помощи USAID (включая контроль над программами других контракторов), был слишком независим от агентства, ориентировался в основном на поддержку самих «младореформаторов», а не на проведение собственно реформ, и опирался не на принятие реформистских законов Думой, а использовал декреты президента (что, как отмечалось, обуславливало нестабильность результатов реформ).

Далее, указывалось в отчете GAO, все три главные проекта НИИД, хотя и были «запущены», но так, что, мягко говоря, имели не очень ясные перспективы, а некоторые из них были просто провалены. Во-первых, хотя комиссия по ценным бумагам была сформирована, у нее не было ресурсов для продолжения существования без американской помощи; кроме того, попытки создать фондовые площадки в крупных городах, включая Москву, провалились (некоторое время работала площадка только во Владивостоке).

Во-вторых, несмотря на то, что в первоначальном «гарвардском проекте» институт обязался обеспечить разработку и принятие девятнадцати важнейших для функционирования российского рынка законов, им было проведено через Думу только три закона (о страховании, совместных кампаниях и рекламе) и еще в трех принятых законах его эксперты выступали как соавторы.

В-третьих, хотя приватизационная структура была создана и начала успешно работать в разных городах России, отчет выражал неуверенность в том, что она будет и дальше функционировать на «самоподдерживающей» основе, поскольку оказалась слишком затратной. Кроме того, структура практически не дала результатов в плане продвижения земельной реформы¹⁰.

Таким образом, ничего криминального GAO обнаружено не было, все ее выводы касались лишь дискуссионных вопросов тактики реформ и степени самостоятельности института. Шлейфер настолько был рад такому исходу, что даже попросил тогдашнего президента Гарвардского университета Нейла Руденштейна поблагодарить письменно адвоката Батлера, спасшего, по сути, институт и престиж всего Гарварда.

На фоне все же отмеченных слабостей «гарвардской программы» конкурент института, USAID, стало усиливать свою миссию в Москве, одновременно продолжая попытки подорвать влияние НИИД. В первую очередь в конце 1996 г. был заменен директор миссии: ветеран агентства с 20-летним стажем Джанет Баллантайн, работавшая ранее в Перу, сменила не очень активного Джима Норриса¹¹.

В конце февраля 1997 г. к Баллантайн стали поступать от сотрудников агентства сведения, что люди, близкие к Шлейферу, в частности, Дж. Хэй и его подруга Элизабет Хеберт, злоупотребляли своим служебным положением. Новый директор сразу же поручила своему юридическому советнику проверить гарвардскую программу. В конце марта 1997 г. этим занялся уже главный инспектор USAID, который назначается президентом и отчитывается только перед конгрессом. Главный инспектор сразу же послал в Москву двух агентов для специального расследования.

Результатом проверки стал грандиозный скандал. Десятого апреля USAID поставило Дж. Сакса в известность о возможных злоупотреблениях в московской миссии НИИД и попросило помочь в расследовании, а к середине мая обвинения были сформулированы. Двадцатого мая было публично объявлено, что два ключевых члена гарвардской программы, А. Шлейфер и Дж. Хэй, «злоупотребляли доверием правительства США и использовали свои связи ... для личного обогащения»¹².

Обвинения были выдвинуты несмотря на то, что такой скандал мог поставить под сомнение все достижения предыдущего периода, поскольку противники курса реформ в России давно и активно обвиняли американскую сторону в нечестности. Официальные обвинения руководителей гарвардской программы, по сути, подтверждали, что реформы в России совершались людьми с «грязными руками».

Суть обвинений сводилась к тому, что для частной коммерческой активности эти люди использовали финансовые ресурсы, кадры и авторитет американского правительства, что не совпадало с целями последнего в России: не коммерческая прибыль, а успешное проведение социально-экономических реформ являлось главным приоритетом, для чего собственно НИИД и нанимался¹³.

А. Шлейфер и Дж. Хэй стали категорически отрицать обвинения, утверждая, что эта коммерческая активность осуществлялась независимыми от НИИД структурами при полной осведомленности чиновников USAID, что они имели право инвестировать в рынок облигаций, поскольку не являлись советниками по вопросу создания фондового рынка, а также потому, что правила НИИД якобы не запрещают инвестировать в облигации¹⁴. В личных разговорах с Дж. Саксом А. Шлейфер пытался изобразить расследование как «вендетту», которая организована «врагами» Гарварда, конкурирующими университетами, у которых НИИД отнял гранты и работу в России¹⁵.

Официально первым отреагировал на публичные обвинения первый вице-премьер российского правительства А. Чубайс. В письме администратору USAID Б. Этвуду он потребовал приостановить работу института в России. На основании этого письма контракты USAID с НИИД были аннулиро-



ваны уже 20 мая, а проекты разработки налогового кодекса и постприватизационной поддержки, под которые были выделены десятки миллионов долларов, отменены.

Представители Гарвардского университета и руководитель НИИД также отреагировали практически мгновенно, поскольку знали насколько серьезными могут быть последствия подобных обвинений. Дж. Сакс заявил, что «мы беспощадны ко всем, кто связан с проектами НИИД и одновременно инвестирует в страны, которые они же консультируют»¹⁶. Представитель президента Гарвардского университета высказался в том же ключе: «Специалисты, работающие над зарубежными проектами НИИД, так же как и члены их семей, не могут делать финансовые инвестиции в стране, где этот проект осуществляется»¹⁷. Сами А. Шлейфер и Дж. Хэй уже в мае были уволены Дж. Саксом из НИИД, хотя Шлейфер остался профессором факультета экономики.

Такая мгновенная реакция на обвинения означала, что руководство Гарварда и НИИД хотело бы локализовать конфликт в рамках моральных норм и внутренних университетских правил и таким образом спасти хотя бы часть гарвардских программ в России. Однако USAID это не устраивало – агентство стремилось вывести НИИД из игры полностью. Поэтому оно стало настаивать на уголовном характере деятельности Шлейфера и Хэя, и в результате министерство юстиции начало свое федеральное расследование инцидента.

Как следствие, вся российская программа НИИД была парализована. Одновременно институт стал удобным «козлом отпущения», и на него как на главный генератор идеологии реформ стали сваливать и бессмысленность шокотерапии, и провал российских либерально-демократических преобразований в целом. Таким образом, Гарвард был выведен из игры в России, а вместе с этим еще больше снизилось влияние Л. Саммерса и его неоклассической группировки на российские реформы и программу помощи¹⁸.

Решающим это событие оказалось и для другого конфликта, в который были втянуты «младореформаторы». Уже 30 мая А. Чубайс был вынужден уступить в борьбе с Центробанком, которому (а не комиссии по ценным бумагам Д. Васильева) отдавалось право на лицензирование российских банков, желающих работать на рынке ценных бумаг¹⁹.

Не сумев спасти российскую программу института, Дж. Сакс тем не менее продолжал осуществлять еще около 60 других международных программ НИИД. Однако начавшееся федеральное расследование угрожало еще более серьезными последствиями для Гарварда, и поэтому руководство университета сформировало специальную экспертную комиссию, целью которой было определить дальнейшую судьбу института. Дж. Сакс, почувствовав (или зная) обреченность структуры, сразу же, в мае 1999 г., уволился из

института и сконцентрировал свою активность на создании Центра международного развития (CID – Center for International Development) в рамках Гарвардского университета. Предполагалось, что эта новая структура будет в большей степени заниматься теорией, чем практикой международного развития²⁰. В январе 2000 г. экспертная комиссия объявила о необходимости ликвидировать НИИД, что и было немедленно исполнено.

В сентябре 2000 г. совместное расследование министерства юстиции и ФБР закончилось предъявлением обвинения со стороны американского правительства Гарвардскому университету, А. Шлейферу, Дж. Хэю, Н. Циммерман и Э. Хеберт по 11 пунктам, которые включали в себя мошенничество, нарушение контрактных обязательств и предоставление ложных сведений федеральному правительству.

Только в августе 2005 г. стороны пришли к соглашению. Не доводя дело до суда, Гарвардский университет должен был выплатить американскому правительству 26,5 млн долл. за нарушение контрактных обязательств. Судом присяжных было признано, что именно А. Шлейфер (а не Дж. Сакс) руководил российской программой. В результате он и Дж. Хэй обязались выплатить по 2 млн долл. Н. Циммерман должна была выплатить 1,5 млн долл. После этого группа столкнулась с новыми судебными исками со стороны НПО, которые пострадали в результате ее деятельности в России.

«Духовный отец» этой группы, Л. Саммерс, как ни странно, в марте 2001 г. стал ректором Гарвардского университета. На этом посту он сделал многое, чтобы защитить Шлейфера и в то же время «выдавить» Дж. Сакса из университета. В 2004 г. Сакс оставил пост руководителя CID и ушел в Колумбийский университет. Правда, по Гарварду циркулировали слухи, что это случилось не столько из-за происков Саммерса, сколько из-за того, что к этому времени в среде американской научной общественности окончательно сформировалось мнение о вине неоклассиков и шокотерапевтов в провале российской стратегии США, и Сакс, как один из вдохновителей этого курса, превратился в «некомфортную» для престижнейшего университета фигуру.

Правда, президент университета Л. Саммерс ненадолго «пересидел» своего конкурента. Его поддержка А. Шлейфера, хотя и была непубличной, тем не менее сыграла роковую для него роль. После признания в 2005 г. группы Шлейфера и Хэя виновной многие известные фигуры Гарварда стали выражать недоумение, почему Шлейфер, который своим мошенничеством опозорил университет, а потом заставил Гарвард платить штраф правительству США в размере 26,5 млн долл., все еще работает на факультете экономики. Стали появляться статьи о тесных связях Саммерса с НИИД и Шлейфером, о его роли в провале всего русского шокотерапевтического проекта²¹. Все



это, а также регулярные дискриминационные высказывания Саммерса в адрес противоположного пола и афро-американцев стало основанием для катастрофического падения его авторитета в университете и привело к отставке в феврале 2006 г.

Тем не менее, и Лари Саммерс, и Андрей Шлейфер (получивший за последние годы несколько престижных наград по экономике) продолжают оставаться профессорами факультета экономики Гарвардского университета.

Примечания

- ¹ См.: *Aslund A.* Building Capitalism: the Transformation of the former Soviet Block. Cambridge, 2002. P. xiii.
- ² См.: *McClintick D.* How Harvard Lost Russia // Institutional Investor Magazine. 2006. Jan.
- ³ См.: *Jones S.Su.* Embarked on a New Path // Harvard Intern. Rev. Winter 1994/1995. Vol. 17, Is. 1. P. 56.
- ⁴ GAO признала это законным: US GAO. Foreign Assistance. Harvard Institute for International Development's Work in Russia and Ukraine. Washington, 1996. P. 4.
- ⁵ *Boyko M., Shleifer A., Vishny R.* Privatizing Russia. Cambridge; Massachusetts, 1995. P. 142.
- ⁶ См.: *Клямкин И.* Электорат демократических сил. Анализ электората политических сил России. М., 1995. С. 16–17.
- ⁷ *McClintick D.* Op. sit.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ US GAO. Foreign Assistance. Harvard Institute for International Development's Work in Russia and Ukraine. P. 3–11.
- ¹¹ См.: USAID Fighting Shrinking Funds // The Moscow Times. 1996. Nov. 20. P. 11.
- ¹² *Liesman S., Robbins C.A.* Aborted Mission: How an Aid Program Vital to New Economy of Russia Collapsed // Wall Street J. 1997. Aug. 13. P. A1.
- ¹³ См.: *Kurkjian S.* Officials of Harvard Program that Aided Russia are probed // The Boston Globe. 1999. Jan. 15. P. A1.
- ¹⁴ См.: *Liesman S.* Harvard Dismisses Advisers to Russians // Wall Street J. 1997. May 27. P. A14; *Warsh D.* Fair Harvard // The Boston Globe. 1997. May 25. P. A1.
- ¹⁵ См.: *McClintick D.* Op. cit.
- ¹⁶ *Liesman S.* Harvard Dismisses Advisers to Russians ...
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ См., например: *Liesman S., Robbins C.A.* U.S. Alleges Abuses by Advisers to Russia // Wall Street J. 1997. May 21. P. A10; *Warsh D.* Fair Harvard. P. E1; Larry Summers, Global Guru // The Economist. 1997. Oct. 18; *Filipov D.* Audit Backs a Harvard Adviser in Russia // The Boston Globe. 1997. Aug. 7. P. A2.
- ¹⁹ См.: *McClintick D.* Op. sit.
- ²⁰ См.: *Stern J.* Harvard Economic Institute's Management Troubles Darken Future // University Wire. 1999. Nov. 9.
- ²¹ См.: *Ivry S.* Did an Expose Help Sink Harvard's President? // The New York Times. 2006. Feb. 27. P. C3.